

Евгений ЕВТУШЕНКО:

«Страшно потерять память»

Многие эпизоды своего антивоенного фильма «Детский сад» известный советский поэт Евгений Еvtушенко снимал на своей родине, в Сибири. В Иркутске он беседовал с нашими корреспондентами Валерием Прищепой и Виталием Косиным. Разговор шел о роли писателя в борьбе за мир...

Евтушенко: «К убийству привыкнуть нельзя...» — это сказал человек, чьи руки привыкли к винчестерам, манлихерам, спрингфилдам не меньше, чем к писательскому перу. Это сказал тот, кто во время второй мировой войны на яхте «Пилар» ходил на поиск немецких подлодок, стремясь к восстановлению мира и справедливости не только силой своих великих книг, но и личным участием в борьбе с фашизмом. Он не хотел быть только писателем. Большим писателем не может быть тот, кто просто писатель. Большой писатель всегда гражданин. Сегодня, когда вопрос сокращения и уничтожения оружия массовых убийств является главной проблемой современности, слова: «К убийству привыкнуть нельзя» звучат как завещание Эрнеста Хемингуэя художникам всех стран мира...

«Лучше пусть будет ужас на страницах наших произведений, лишь бы его не было в самой жизни».

«МН»: В вашей новой поэме «Мама и нейтронная бомба» нарисована страшная фантастическая картина всемирной новогодней елки, на которую собрались мертвые дети: прозрачные от голода дети блокадного Ленинграда, дети Освенцима с перекошенными личиками, вырезанные из чрева матерей младенцы Сонгми, взорванные бомбами дети Белфаста и Бейрута, салвадорские дети, раздавленные танками, — бесконечный хоровод движется вокруг елки. Но трагедия, по вашей мысли, может быть еще более ужасной: «Если взорвется нейтронная бомба, тогда вообще не будет детей, и будет настолько большая кровь, что не станет памяти крови...»

Евтушенко: Меня упрекали, что в тех местах поэмы, где рассказывается о последствиях потенциальной атомной войны, я слишком сгустил краски... Знаете что?! Лучше пусть будет ужас на страницах наших произведений, лишь бы его не было

в самой жизни. Одна мысль владеет мною, чем бы я ни занимался, — это вопрос о ядерной катастрофе, которая нависла над человечеством. Поэтому нельзя все время успокаивать людей, гладить по головке, убаюкивать. Не нужно, разумеется, и нагонять излишнюю панику. Но лучше иногда хорошенько встряхнуть за шиворот многих людей, чтобы они открыли затуманенные бредовыми целями глаза и подумали об общей цели человечества. Я убежден, что мир — это одновременно и средство, и цель для улучшения жизни всего человечества...

«МН»: Почти двадцать лет назад в поэме «Братская ГЭС» впервые в вашем творчестве прозвучала мысль о том, что все люди планеты Земля стоят перед выбором всеобщего братства или всеобщей гибели. С новой силой это свое страстное убеждение вы высказали в выступлениях на международной встрече писателей из 48 стран «Интерлит-82» в Кельне, на Парижском форуме мира в 1979 году, на Всемирной конференции солидарности с народом Чили в Мадриде в 1978 году, собравших сотни литераторов из всех уголков земли. Среди участников парижской встречи можно было увидеть лауреата Нобелевской премии колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса, лауреата Нобелевской и Ленинской премий ирландца Шона Макбрайда, на лице которого до сих пор, кажется, лежит тень решеток британских тюрем, и гречанку Елену Влахос, которая возглавляла газету, борющуюся против «черных полковников», и полуалжирку-полуфранцуженку Жизель Халими, которую когда-то пытали в Алжире французские парашютисты, и украинского прозаика Олеса Гончара, ушедшего когда-то на фронт вместе с харьковскими студентами, из которых почти никто не вернулся. Всех участников форума мира объединяла одна проблема — угроза ядерной катастрофы.

Евтушенко: Если бы на земле все было идеально, конечно, не задача поэта политическая борьба. Но пока существует несправедливость, истинный художник не вправе пытаться встать над схваткой, а обязан быть внутри нее, защищая человека. Несмотря на различия социальных систем, противоречия между

«Описание войны как неизбежности... — это преступление против человека».

правительствами, несмотря на лживую пропаганду, которая хотела бы разобщить всех художников, писателей, кинематографистов мира, все равно лучшие из них, так же, как и мы, советские деятели культуры, — мы все преследуем одну и ту же цель: хотим сблизить наши народы, хотим предотвратить ядерное уничтожение земли. Меня потрясло, как под палящим итальянским солнцем от Перуджи в сторону Ассизи двигались десятки тысяч людей маршем мира, среди которых шли вместе с рабочими священники, писатели, актеры, художники. Лучшие западногерманские писатели подписали тогда обращение к правительствам всех стран о предотвращении ядерной катастрофы.

За мир борются и очень многие американские писатели, кинематографисты, в частности Джейн Фонда. И я уверен — сегодня не может быть настоящего художника у какой-либо нации, который не понимал бы, что он все должен сделать, чтобы не было войны. Когда такой талантливый человек, как Кнут Гамсун, положительно оценил нацизм, не понял его страшного лица, он моментально перестал быть великим художником, потому что перестал стремиться к миру — без этого вообще нет ни одного большого художника. Пособничество войне, описание войны как неизбежности, как оздоровительной неизбежности, как это делали нацисты, — это преступление против человека. Вспоминая историю со Стейнбеком, скажу, что это была его трагическая ошибка, когда он написал свои печально известные очерки о войне во Вьетнаме, где сравнивал пальцы пулеметчика американского вертолета с гениальными пальцами виолончелиста Казальсы на его инструменте... Его просто запутали, повезли в амери-

канский госпиталь, показали ему раненых американских солдат, искалеченных взрывами. Конечно, у него проснулось сострадание. Но как большой художник он обязан был увидеть и почувствовать другую сторону этой войны: искалеченных, обожженных вьетнамских детей. «Все идеалы человечества не стоят одной слезы невинно замученного ребенка», — сказал Достоевский. Поэтому чужая рубашка, если она окровавленная, для художника должна быть ближе к телу, чем своя, белоснежно накрахмаленная. Перед концом жизни Джон Стейнбек, к счастью, понял, что совершил ошибку. После вьетнамских очерков он не написал ни одной великой книги...

«МН»: В 1972 году вы побывали в борющемся Вьетнаме, где написали стихотворение «Хемингуэй во Вьетнаме». Уже тогда гневно прозвучало осуждение аморальных поступков Эзры Паунда — американского поэта, славившего фашизм, Боба Хоупа, голливудского комика, подбадривающего своими концертами американских солдат, уничтожавших вьетнамцев, Кингсли Эмиса — английского писателя, поддерживавшего агрессию во Вьетнаме, — людей, переставших быть художниками, ибо они продали свою совесть художника. По вашей мысли, именно они, прошедшие по дороге лжи и благословившие бомбы на мирный Вьетнам, стали самоубийцами, а не разразившийся вихрь в свою боль Эрнест Хемингуэй, невидимо передавший в руки вьетнамских солдат колокол совести, гнева, предупреждения...

Евтушенко: В 1935 году, когда мне было всего два года, в Париже состоялся конгресс писателей в защиту культуры. Конгресс бил во все колокола, предупреждая мир об опасности фашизма и мировой войны. Эти колокола тогда не помогли: книги, написанные писателями, участниками конгресса, были брошены в костер людьми, у которых при слове «культура» рука тянулась к пистолету.

Искусство — это память человечества. Убийцы хорошо понимают это, как понимают и единство искусства и революции. А поскольку у них нет философских аргументов, их единственные аргументы — это танки, давящие свободу,

бомбы, разрушающие здание надежды, костры из книг, сжигающие вечные ценности. И то, что сегодня убийцы иногда еще торжествуют, — это просто-напросто страшный сон, который в конце концов пройдет навсегда. Можно сменить правительство, но нельзя сменить народ.

Страшно потерять память.

В нашем народе память о прошедшей войне живет глубоко, как ни в каком другом народе. До сих пор еще живы отцы и матери, потерявшие своих детей на этой войне. Умрут они — останутся вдовы, потерявшие мужей. Умрут они — останутся дети, не знавшие отцов... Сейчас я снимаю фильм «Детский сад», где будет показана правда войны глазами ребенка. Это будет тот фильм, который, собственно, уже был поставлен самой жизнью, это будет своеобразная биография страданий народа во время войны. Работая над лентой, я увидел, что за 38 лет, прошедших после победы, кое-что уже позабылось нашими детьми. Мне приходилось объяснять юным актерам, играющим эвакуированных детей, слово «эвакуация». Детям, которые по сценарию стоят в очереди с хлебными карточками за хлебом, мне приходится объяснять, что такое хлебные карточки. Может, это и хорошо. Но и сегодняшние мальчишки из профессионально-техни-

«И то, что убийцы иногда еще торжествуют, — это просто-напросто страшный сон, который в конце концов пройдет навсегда».

ческого училища, которые играли детей — маленьких рабочих, ставших у станков вместо отцов, ушедших на фронт, — мгновенно переплюгивались, становились повзрослому серьезными. У меня создавалось ирреальное ощущение полностью воскресшей реальности, как будто я снимаю не художественный фильм, а документальный. Мне хочется сделать такой фильм, чтобы глаза моего главного героя — этого униженного голодом, холодом, нищетой войны, обессиленного нечеловеческими испытаниями ребенка — смогли задержать руку опасного безумца, тянущуюся к той кнопке, которая способна снести с лица земли все человечество, а может быть, уничтожить саму землю... Убежден: сегодняшняя задача всех нас, писателей мира, — не поддаваться на вой третьесортных койотов из джунглей лживой пропаганды, пытающихся натравить нас друг на друга, как йеллоустонских гризли на сибирских медведей... Даже сквозь эти джунгли, через все расстояния, материки писатели мира должны бросить друг другу спасительный клич маленького Маугли: «Мы одной крови — ты и я!..»

Фото Андрея КНЯЗЕВА.